

Чехол для певчих птиц

Глава 7. Уклон (Фрагмент)

Уклоном овладели быстро. Выбирая поприще, на котором предстояло зарабатывать себе на жизнь, нынки по-прежнему строго соотносили этот выбор с личными способностями и устремлениями, то есть как раз с той малоразумной областью людского естества, которая одна только и может породить неутомимую заботу о деле своих рук, о напряжении всех сил в самозабвенном труде для достижения цели – то самое безумство, которое Сур Симолян именовал жгучим интересом. Секрет был в том, что соотносить его следовало теперь противоположным образом.

Ошибкой было бы думать, что возникли какие-то правила в законодательстве, которые будто бы прямо предписывали каждому нынку соблюдать здоровую меру в использовании своих дарований. Сама жизнь исподволь учила народ не путать работу с заботой.

К тому времени, о котором я веду рассказ, новый почин располагал уже своей скромной мифологией. Этим притчам о легкомысленном отношении к уклону, может быть, недоставало обобщающей силы, той внутренней энергии, которая породила бы следующие, более острые и современные художественные формы. По сути дела, сами притчи создавались не без некоторого уклона. Вот одна из них.

Некий нынок, высокоодаренный в литературном отношении, назывался, в соответствии со своим образованием, химиком-технологом и до поры до времени служил в соответствующем техническом табеле. Сочинительство его, кроме удовольствия, которое он, как видно, получал немалое, приносило ему и умеренный приработок, так как вещи им написанные иногда печатались под разными именами, то выдуманными, то просто чужими – надо ведь было кому-то эти публикации еще и пробивать.

Что за муха его укусила, зачем он вдруг решил переменить таб и на сороковом году жизни назваться писателем, в нескольких вариантах объясняется по-разному. В одном, который кажется самым правдоподобным, говорится, что будто бы времени ему хватать не стало. Так перло из под пера, что проклял он химию, собрал по всем журналам вышедшие работы под псевдонимами от Архипова до Ялочко и отправился напрямик в головное учреждение литературного табеля.

Там отделили в его работах те, авторское имя которых принадлежало людям еще живущим, и сказали, что он не с того начинает. То есть, если он настаивает, можно, конечно, затеять экспертизу, и, возможно, он даже окажется формально прав, но как он будет выглядеть в глазах людей? Молодой табник, начинающий путь не чистым творческим голосом, а сутяжничеством от литературы? Ему бы опомниться, оценить этот первый сюрприз, как эпитафия к будущей карьере, но – нет, он так своей химии перекушал, что махнул рукой на пропащие работы и пододвинул другую стопку, где псевдонимы были вымышленные, то есть натуральные.

Тугодумие его впечатления не произвело, во всяком случае виду там не подали, и через некоторый кандидатский срок, когда он с хлеба на воду перебивался – тоже, кстати, умный человек не промахнул бы даром для себя это обстоятельство – был назван писателем и навсегда простился с постылой химической технологией. И тут он сел в

такую карусель, что через полгода начал не книжки подписывать, а при знакомствах представляться то Ялочкой, то Архиповым.

То, что было у него наработано, осталось без движения, ибо пришлось соблюдать живую очередь, составлявшую повсеместное и неизменное трехзначное число, а работы эти, как оказалось, не были достаточно значительными. Новую вещь он пока приостановил, испугавшись, что она попадет в тот же разряд, и попробовал выяснить у старшего сотаbnика, что же происходит, и почему прежние работы были хороши, а новые потеряли свою привлекательность. Зрелый литератор ответил ему прямо: эва, мол, чего вспомнил! Кто ты был тогда, и кто ты ныне? И понимаешь ли, что на тебе теперь вся отечественная литература должна держаться, как и на всех нас?

Так впервые встал перед нашим легендарным нынком во всей своей необъятной полноте вопрос: чего же ей, отечественной литературе, надо?

Отвлечись от мифологии, заметим, что вопрос был поставлен неправильно, и в другое время старушка литература его бы мягко надоумила – не тебе бы спрашивать, не мне бы отвечать. Но речь идет о нашем времени, когда старушка сама была нездорова, металась в горячке от прошлого к будущему, от нефти к деревне, от страшных предсказаний к безусловно положительному человеку или бросалась в приключения, даром что это снижение жанра.

В этом варианте притча заканчивается на том, что, убедительного ответа не получив, сгинул химик на новом месте, и ни слуху, ни духу о нем более нет. Говорят, ездит каждый год отдыхать в специальный дом по большой льготе – вот и весь его привар. А на самый конец добавляют для перцу, что у химкомбината, откуда он сбежал, таких домов не четыре, а шесть, а один – вообще в Финляндии, и льгота – втрое больше.

Но есть другая версия, более подробная, где уточняется, что ко многим нуждам литературы он последовательно приступал. Про нефть он кое-что знал по прежнему своему табу, да не пригодилось. Вышло страниц полтораста прозрачной резины, от которой у него желудок забарахлил. Тогда он написал очерк в соавторстве с одним знаменитым нефтяником и депутатом – прямо оттуда, из самых недр. Его похвалили, ободрили, дали половину денег, и на этом он топливную тему для себя закрыл.

Про деревню он не понимал ни аза, не думал никогда, что ему это понадобится. Можно было уехать туда пожить на полгода, но у него хватило ума сообразить, что зря истратит время. Оставался положительный человек. И тут он спохватился, что сколько себя помнит, кажется, только над этим и работал. Забегал снова по кабинетам со старыми своими рукописями. Его учили по-хорошему, дурных слов старались не говорить и любым случаем пользовались, чтобы намекнуть: ах, вот очерк был хорош!.. Однако, кому-то надоело, и однажды поинтересовались, есть ли у него соответствующее образование. Вопрос был ядовит и прямо указывал ему его законное место позади прочих.

На жизнь он себе зарабатывает, с бытовым обслуживанием у них в табеле дело поставлено неплохо. Есть обширный фонд, из которого всем сестрам по серьгам достается. Даже если хворь прицепится, то и тут ему помереть не дадут, в разумных пределах подлечат.

Хороший он писатель оказался или так себе – тоже как-то непонятным остается, запутывается всеми этими изгибами пути. Как считают некоторые, он и в прежних своих вещах был недостаточно значителен, хотя в конце все сходятся на том, что человек безусловно одаренный. Да что же, одаренность – это ведь от нас не зависит. В старину как говорили: кто дал, тот и взял.

Логично было бы предположить, что начал попивать, но поскольку он остается лицом нарицательным, ежедневным вниманием народа не схваченным, легенда об этом молчит. Отмечает только, что опять на нехватку времени жалуется.

Литературный табель над этой притчей посмеивается, находя ее слишком лапидарной, но опровергать не спешит. К тому же, ходят слухи, что некоторые варианты оттачивались именно в недрах самого таба. А для широкой публики этой лапидарности хватает, значит какую-то едкую соль притча в себе несет.

Эта еще ничего, а есть ужасные. Как про портного одного, который планерным спортом увлекался. Потом тоже соскочил из ателье и через пять лет стал летчиком испытателем, здоровье позволяло. А через семь – воткнул свой сверхзвуковой громохальщик с высоты в четыре тысячи метров прямо в танцплощадку на офицерской половине части. Было сперва мнение, что обычная авария, но уж слишком вертикально шел и слишком точно попал.

Спешу напомнить, что это не анекдоты, а своего рода былины, и обобщают они дела минувшие. Если теперь кто и сбивается с ноги, распаяя заблудившееся свое увлечение, пресловутый жгучий интерес, то редко, длится это помрачение недолго и уж конечно до перемены табеля не доходит.

Но не попробовать ли нам с вами как-нибудь, не слишком увлекаясь, все же поискать исторические истоки этого уклона? Должны быть истоки, потому что раньше или позже природа всякого искушает наличием у него особых способностей, и он впадает в заблуждение, полагая, что открыто и целеустремленно развивая эти свои дарования, лучше всего послужит обществу, а у нас это как-то не так выходит. Там, у других-то народов, вроде, удавалось кое-кому прорвать все заслоны и осчастливить человечество? Но, внимательно приглядевшись, замечаешь, что в национальной своей жизни и они были глубоко несчастны.

Глядишь во всеобщую историю и видишь гордость мировой литературы – Гете, естествоиспытателя и государственное лицо; гордость мировой литературы, православной церковью проклятого дворянина и патриарха (тоже дело, между прочим) Льва Толстого, все рвавшегося уклониться то в земледелие, то в педагогику; великого светоча науки, изгнанника Эйнштейна; Наполеона – позор Франции, романтическое величие войны; юриста и поэта – Соломона, царя... А можно прервать этот список и начать его сначала – начать и закончить одним именем Христа, уклониться не пожелавшего. А что до него семени израилевому?

Наше же новое государство и началось-то с того, что в тени разнообразных и полезных профессий люди начали испытывать жгучий интерес к социальному эксперименту. Пока они табеля свои не бросали, и сохранялось некое архаическое подобие нынешнего уклона, государство волновалось, качалось из стороны в сторону, но устойчивости не теряло. А когда завинтились до того, чтобы табы менять, и вместо профессионального адвоката, например, становиться профессиональным революционером, тут уж никак было не развязаться, а только все обвалить и начать сначала. Говорят, оно и не стоило того, чтобы за него держаться, и, стало быть, урона никакого не случилось. Что ж, это возможно. Но ведь и новое государство, только-только родившись, сразу решило обезопасить себя от неустойчивости и навсегда отменило какой бы то ни было жгучий интерес, чтобы работа не окутывалась заботой, а забота не раскручивалась в работу.

Никого же не смущает, если Родина в опасности, и ей нужны солдаты. Ну, в другой раз ей понадобятся коммерсанты, дипломаты, коммунисты, хорошие врачи, плохие врачи, председатели колхозов, или наоборот – вредители, или опять – физики, лирики, беженцы, перестройщики. И мы готовы. Не ругайте, если не управимся – задания эти, не то чтобы вовсе невыполнимы, но все же не совсем по прямому нашему профилю. Так ведь по-настоящему и не ругают.

Но вот в тишайшие времена, когда по всей видимости никто специфически Родине не нужен, следует ли уйти с головой в какое-то дело, чтобы вскоре с болью и кровью себя от него отрывать, бросаясь туда, куда надо? Следует – не следует, а так поступали, пока не открылось, что заниматься своим делом и бесполезно, и опасно, как можно понять из вышеприведенных легенд, как убедился в свое время неутомимый Герц, как всем нам, без сомненья, хоть однажды, да указывал здравый смысл. Так разве не лучше навсегда уклониться от внутреннего призыва и жить свободно, беззаботно, на подхвате?

Ну а с тем, от природы данным даром, который нет-нет, да и напомнит о себе смертной тоской, как с ним быть? Хорошо и с ним быть в ладу, тешить его, не вопя о том во всю петровскую. Копай, где хочешь, если только ты не археолог; пиши, если не писатель; летай в космос, если не космонавт, и будешь любезен народу долго-долго. Иметь такое сопутствующее увлечение считалось достойным. Оно как бы наглядно подтверждало для всех, что основная твоя работа – дело умеренное, ничем обществу не грозящее, что копыя здесь ломать ты не станешь, что в урочный час ты сюда по совести уклонился.

И все-таки бывали случаи, когда этот частный жгучий интерес приобретал все черты второй табельной заботы. Тут идея золотой половины переходила в созвучную ей, но пугающую избыточностью идею удвоения. В народе этих людей так и называли – двоечками.

Конечно, чтобы такую двойную лямку тянуть нужны особые внутренние резервы, да и не всякие табеля допускают себя сопрягать. Когда Капитон Сомочкин выбирал будущую работу, он почти ничего о себе не знал, чувствовал только, что медицина, например, никогда не возьмет его за горло и лысеть не заставит. Этого было достаточно, чтобы с чистым сердцем себя ей вручить. Но посреди дороги, как раз перед поступлением в клинику у него случилась встреча.

Тот, кто пригласил его к себе по телефону, был третьестепенным чиновником Табеля Безопасности. Сгоряча Капитон сильно преувеличил персональный к себе интерес. Вызывали каждого второго, а последнее время – даже каждого полуторного. Никакой головоломки тут нет – через одного вызывали двух подряд или кого-то дважды вызывали по разным адресам – вот и выходило, что из трех приглашались двое, а из полутора сотен – человек сто восемь, сто десять.

Встречи эти были ничем иным, как простым знакомством, о чем их инициатор сразу же предупреждал, пользуясь случаем добавить, что прошли времена пыток и глухих застенков, и в стране навсегда покончено с порочной практикой мести всех подряд. Человек получил специальное образование, всем стало ясно, как его теперь называть, и государство отечески интересуется – что он себе думает в этой связи.

В других обстоятельствах, если, скажем, читаешь о такой встрече в книжке спокойным летним вечером на балконе в удобном кресле, праздная мысль, вольно обегая слова и поступки, может вдруг сложиться в причудливый вопрос: а почему это папе вздумалось беседовать с сыном через цепную собаку? Но на то она и литература, чтобы

делать из человека хозяина положения и какого-то всевидящего ангела – в утешение за его слабости. Подняв же трубку, удостоверившись, что адресуются именно к нему и услышав, как собеседник представляется таким-то из Табеля Государственной Безопасности, нынок испытывает подобие легкого, еще не опасного толчка в грудь. Затем, вплоть до самой встречи, откладывать которую не хочется, несмотря на вежливую предупредительность такого-то из ТБ, нынок придумывает – что бы он такое мог натворить, или что бы такое могли натворить другие? Тема для размышлений, согласитесь, обширная.

А далее он уже находится внутри беседы. И как ни относишься к уличным знакомствам, в которых всегда есть неприятный элемент бесцеремонности и напора, но посмотреть на себя со стороны и плюнуть в сердцах не всегда удается. Мастера дамской кад্রেжки это хорошо знают и действуют уверенно.

Чиновник отнесся к Капитону с уважением, а вскоре вынудил юношу и на уважительное отношение к себе тем, как мимоходом обнаружил, что ему известны малозначительные подробности Капитоновой биографии, о которых вообще-то незнакомый человек знать бы не должен. Его интересовало, например, жива ли еще и пухнет ли тетрабочка, в которую одна знакомая Капитону девушка переписывала горячие, двусмысленные в политическом отношении стишки. А девушка-то была, и тетрабочка была. Капитон честно соврал, что да, девушку хорошо знает, но нет, о тетрабочке не слыхал. Тебешник заметно улыбнулся, ловить и пристыживать не стал, а дружески посоветовал передать девушке, что лучше бы ей эту тетрадку забросить.

Так они беседовали не спеша, без видимой цели, с удовольствием устанавливая, что знакомых иностранцев у Сомочкина немного, что каких-либо неудобств не намечается, и что, пожалуй, наступают в стране прекрасные времена. Где-то к последней четверти беседы, когда доброжелательный интерес чиновника стал угасать, а Сомочкина он все еще не отпускал, Капитон расслабился, и в мозг ему внезапно вонзился судьбоносный вопрос: а за что же он, такой-то из ТБ, зарплату получает? Не успев ещё задуматься ни о сущности ТБ, ни об обязанностях и правах, связанных с этой работой, он понял, что грозный табель всегосударственного значения заполнили ленивые бездельники. И стал Капитон двоечкой, пропащим человеком.

Когда полгода спустя его снова вызвал знакомый чин, Капитон вел себя совсем иначе. Он уже работал в клинике Россиянского, но эта перемена была ничто по сравнению с тем внутренним перерождением, которое он испытал в тот же срок. Раз пустив свое воображение по следу первой встречи с ТБ, Капитон больше не останавливался и с помощью упорной работы над собой овладел основами этого, ни с чем не сравнимого табеля. Такова была его природа, он не нуждался в ученичестве и стажировке, своим умом он доходил до таких сложных вещей, как место ТБ в государственной структуре, система организации табеля и методы практической работы и многое, многое другое, ибо скоро он пришел к открытию, что Табель Государственной Безопасности велик и разносторонен, как сама жизнь.

О чем же было теперь говорить с рядовым тебешничком, видимо уклонившимся в свое время в ТБ, как в любое другое место? Со временем Капитону предстояло выходить прямо на председателя, может быть, на самого президента. Нужно было только завершить все, что он мог в нынешнем его положении. А мог он немало и работал на Безопасность увлеченно, хотя и незаметно. Придет время – и в его руках будет собран невероятно полный, исчерпывающе полезный материал о тайных и явных жестикуляциях общества, включая и сам ТБ, который делает вид, что ведет важную работу, уговаривая его,

Капитона Сомочкина, настучать какой-то застольной пешке – что рассказывает профессор Россиянский, вернувшись из Амстердама.

Веселясь и сокрушаясь в душе, Капитон разыгрывал из себя либерала и чистоплюя, прямо в глаза оторопевшему тебешнику отказывался наушничать и делал это с такой иронией и таким достоинством, что сбитый с толку чин даже не брался определить, на сколько больше звезд и какого размера светится на плечах у молодого вроде бы еще врача. А после того, как однажды, случайно столкнувшись с исповедником на Центральном телеграфе, Капитон открыто указал на него пальцем своему спутнику и при этом пошептал ему на ухо, его больше не вызывали.

Уместно ли считать, что Капитон все же не являлся полноправным табником, раз не был назван? А кто там назван? ТБ-то как раз лучше всего сопрягается с любым другим табелем. Так что отсутствие формального сотрудничества не только не умаляло Капитонова профессионального достоинства, а прямо-таки удесятряло его. Он был не просто табник, он был настоящий «табак» – очень редкая вещь, вроде генералиссимуса. На исключительности ее, кажется, и была основана древняя поговорка: «Табак табака видит издалека».

Когда ему бывало особенно трудно – он был живым человеком и, как все мы, подвергался натискам дурного настроения – Капитона посещала невыносимо светлая догадка, что о нем знают там, на самом верху, молча благословляют его тяжкий труд и ждут результатов. Представление это отдавало волшебством, но он был влюблен, а каких только свойств ни ждешь от предмета поклонения, да еще от такого сильного и прекрасного предмета.

Среди бесконечно скучной, хотя и полезной в совокупности информации Программа 30 выделялась. Не то чтобы стоило прыгать в одиночестве и хлопать себя по ляжкам, но случай был не рядовой, и Капитон его от себя не отпустил. Россиянский, кажется, считал, что ТБ интересуется Программой всерьез, и Сомочкин его не разочаровывал. Для самого же Капитона путаница со сроками, датами и, разумеется, изначальное происхождение всей этой неразберихи – первый звон, так сказать, о котором не только не знают – где он, но который даже и не слышал никто, были постыдным головотяпством любимого табеля. И стало быть, без всяких авралов и судорог шла нормальная работа, необходимый и неторопливый сыск.